
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГЛОБАЛЬНОЕ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать.

Ф. М. Достоевский «Бесы»

♦ Из двух, всего лишь имевших место быть в человеческой истории, гениальных социально-нравственных писателей, а именно Шекспира и Достоевского, безусловным, что называется до испуганной дрожи души, в каждом новом поколении убеждающейся в высказанной им истине, провидцем был и остается Федор Михайлович. Таковое выделение не обидно, например, для Льва Толстого, Гёте и Томаса Манна — великих *человековедов* в своем творчестве. Здесь верно определил различие творчества двух русских величайших писателей в своем трактате «Л. Толстой и Достоевский» пронизательнейший Д. С. Мережковский, обозначив первого как исследователя *телесного поведения* человека, а вот прерогативу познавателя *души* отдав Достоевскому.

...Еще далеко было до озвучивания нынешних понятий *расчеловечивания*, *человейника*, *глобализации* с ее *умозамещением* и *цифрофренией**, а Достоевский в «Бесах» представил миру Шигалева с его же «шигалевщиной», сущность которой Достоевский изобразил в нескольких строках — см. выше эпиграф,— и которая, спустя полторы сотни лет оказалась точнейшим, в масштабе *М1:1*, как ставят на инженерных чертежах, слепком наших безрадостных будней... равно и официально-постановочных празднеств. Отметим сразу, что пишем о всемирном человейнике, ибо в эпоху торжествующего глобализма выделять какую-либо «отдельно взятую» социумность или государственность суть сужающая тематику *эмфаза***.

Определение, точнее гениальное предвидение, Достоевским расчеловечивания, как потери личности и обращения в стадо, сбывающееся сейчас в невероятном ускорении, многократно превышающем обычно соотносимое с временными показателями человеческой, социальной эволюции (человек обогнал свою эволюцию — по Конраду Лоренцу), происходит сейчас — в терминах обезличивания и превращения человека в крохотный винтик глобальной машины Молоха глобализации — родного брата Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых», а еще точнее — в биологический придаток *кликковых недолайкиных* к мировым телекоммуникационным сетям. Это все настолько самоочевидно — оглянитесь вокруг, не забыв и на свое отражение

* Термин «человейник» введен А. А. Зиновьевым; авторство «расчеловечивания» обычно относят к Конраду Лоренцу, а «умозамещение» и «цифрофрения», как говорится, наших рук дело — см. далее.

** Эмфаза (лат.) — подчеркивание, акцент на чем-либо.

в зеркале посмотреть! — что не стоит лишний раз беречь раны человека-читающего, еще как-то сопротивляющегося, хотя бы в мыслях своих, натиску волны, девятого вала расчеловечивания. Мы же вовсе не «от лукавого» берем эти раны. Просто это тема наших научных, естественно-философских, системных исследований*. Упоминаем это «не корысти для», как говорил известный персонаж дилогии одесских классиков, «но токмо» для констатации того факта, что выходящее из-под нашего пера (действительно, пишу только «от руки») не есть порядком поднадоевшее нашему читателю — неужто и таковые еще остались? — нытье по уходящей в историю некогда великой русской и советской литературе и уже давно ушедшей туда западно-восточной художественной словесности, но без каких-либо личностных эмоций признание де-факто наступившей *постлитературной* эпохи. Это как данное американско-японским философом Фукуямой определение нашего времени: *постисторический* период цивилизации.

Как говорится, с логикой в уме и тревогой в душе будем воспринимать происходящее неким *status quo* неумолимой социальной эволюции человечества, переходящего в статус человекика. Словом, «ума холодных наблюдений».

От вводного философствования переходим к литературе времен глобального расчеловечивания.

♦ Литература по определению не является исключением исключением в части действия законов социальной эволюции человека. А в рамках таковых глобализация, как первоначальный, зато самый бесчеловечный, жестокий этап более общего процесса перехода Земли в новую биогеохимическую оболочку (по акад. В. И. Вернадскому, создателю учения о ноосфере) — *ноосферу*, дает следующее целеуказание *всем* художественным творчеством: (а) в отношении «одной десятой доли» у Достоевского, а по-нынешнему «золотого миллиарда», девиз Древнего Рима: вино, женщины и искусства принадлежат избранным (в наших пенатах см. цены на билеты в Большой театр...); (б) для «остальных девяти десятых» только примитивнейший суррогат таковых художественных творчеств, где-то по значимости после торговли (в тех же пенатах усеявшие города «торгово-развлекательные центры»); (в) суррогат направленно продуман и выверен, несмотря на внешний примитивизм, а именно, сочетает в себе информационный шум, психолингвистическое и прочее «психо» (музыка, литература, пластические искусства, живопись, все сценические действия) зомбопрограммирование; (г) для литературы и других словесных творчеств — полное преобладание (у авторов и потребителей) утилитарного цифрового мышления (цифрофрения) над аналоговым творческим. Варианты и разветвления указанных целеуказаний читатель найдет в развернутом виде в ЖМФН.

Итак, названные целеуказания не есть пресловутые «происки империализма», «руководящие указания партии и правительства», «оскалы» всевозможных «измов». Это есть эволюционный закон, не кем-то придуманный, но отображением Мироздания. И если нам выпало сомнительное удовольствие попасть в генеалогической цепи поколений в уникально жестокий и бесчеловечный, умозамещающий период глобализации, то остается только вспомнить юридическую формулу о жестокости закона, но — закона!

Другое дело, опять же обращаясь к образной логике римского права, что *herba mala cito crescit* — дурная трава быстро растет, то есть человек с охотой великой скатывается в примитивизм, ибо по природе своей он великий хитрец, а лень ему мать родная. Та же самая фенотипическая лень (Илья Муромца до тридцати годов...) одинаково подвигает человека к творческой деятельности, см. присказку о лени как

* Результаты таковых изложены в продолжающейся серии «Живая материя и феноменология ноосферы» (ЖМФН), издаваемой, начиная с 2007-го года (различные издательства Москвы, Твери, Тулы). На сегодняшний день вышло 17 томов. В электронной форме с ними можно ознакомиться (см. по поисковику) на различных сайтах, например, www.pz.tula.ru, www.trinitas.ru, www.vixri.com и др.

матери изобретений, и к духовному отуплению и инерции жизни — тоже Илья, но Обломов. И совсем другое дело, если скатывание в умозамещающий примитивизм директивно, целеуказуемо направляется мировой социальной эволюцией.

Целеуказание (а) уже пояснено «билетом в Большой» (это не о сторублевке в исполнении Стоянова), но в нашей стране, сравнительно — по историческим меркам — недавно пришедшей в постсоветские годы к реставрации атакизма частнособственничества, да и учитывая историческую русскую общинность, наблюдается еще некоторое колебание в раскладе на 1/10 и 9/10. Но ведь директивно-то спешим, «задрав штаны», за Европой, при этом не уставая ее поругивать. Бегом, бегом все умозамещающее от нее, надменной, в себя вобрать! Отсюда и конфузы торопливости, как черт в бреду Ивана Карамазова говорит: *«То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!»* А великолепный публицист, он же ленинский Иудушка, Троцкий вторит Ф. М. Достоевскому: *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику».*

...И еще существенный момент: в отличие от европ и америк, наш олигархический минимиллиард, но с полновесными миллиардами в долларах, поспешая «задрав штаны», пока что не дошел до избранничества в творчествах художественных; внище из осторожности не пьет, чтобы не потерять бдительность начального накопления капитала; правда, еще лет десять назад, до устрожения нравственности, радовали нас на телеэкранах репортажами о поездках в Куршавель «властителей душ» с вагоном девок: наши красивые и дешевые, а западные — тощие кобылы и алчные... Но — время идет неумолимо вперед. Может и изящные искусства избранным воспотребуются; даже — в старшном сне такое не увидишь — возжелает нефтяной или алюминевый «олигархер» на досуге полистать книжку запиаренного сочинителя. Так что будьте «на товсь», грядущие Сенеки, Цицероны и Овидии... нет-нет, с Овидием мы хватили лишку, можно будет подпасть под образцово-показательную кампанию борьбы с аморалкой и быть сосланным куда следует: *«...В Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей».*

Про целеуказание (б) мы также выше кратко высказались. Тем более, в части литературы о таковом ниже будет достаточно сказано; аналогично и о (г). Классическим примером довлеющего воплощения (в) является популярная, то есть эстрадная, музыка. Но не «отстает» от нее и музыка, по традиции называемая «серьезной». Этот пример намного характернее той же литературы и живописи, тем более он сейчас, что называется, на слуху — извиняемся за смысловую тавтологию... Но общий принцип расчеловечивания — будем ниже избегать специальной психологической и иной терминологии — одинаков для всех искусств.

Отличительную от всех других видов художественных воплощений особенность музыки давно, но очень точно определил Артур Шопенгауэр в своем основном произведении «Мир как воля и представление». Позволим себе процитировать (последний раздел третьей книги названного трактата) Шопенгауэра в его определении сущности музыки: *«Музыка — это непосредственная объективизация и отпечаток всей воли, подобно самому миру, подобно идеям, умноженное проявление которых составляет мир отдельных вещей. Музыка, следовательно, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей, а отпечаток самой воли, объективностью, которой служат и идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств; ведь последние говорят только о тени, она же — о существе... Она раскрывает интимную историю воли, живописует всякое побуждение, всякое стремление, всякое движение ее, все то, что разум объединяет под широким и отрицательным понятием чувства и чего он не в силах уже воспринять в свои абстракции. Поэтому всегда и говорили, что музыка — язык чувства и страсти, как слова — язык разума».*

Именно в силу такой специфики музыки, ее единичности в сфере искусств, главное — непосредственного воздействия «сущности» на органы чувств человека (ухо воспринимает мелодику, а кожный покров и биофизиомасса мозга — ритмику), заключается все коварство исполнения целеуказания на зомбо-программирование человека, уготовляемого к качеству носителя умозамещения и цифрофрениии — неотъемлемых качеств винтика машины Молоха глобализации.

...Не следует наивно полагать, что глобализация взяла да прыгнула на наши головы где-то на рубеже 1990—2000 гг. В эволюции всегда наличествует предтеча; как в армейском наступлении артподготовка. Объективно рассуждая, можно сказать: эволюция запроктировала современного человека еще три миллиарда лет назад, создавая еще предживого (сложная молекула в оболочке — капсиде) вируса с его ДНК... Так и в части замбо-программировании человека посредством музыки.

В начале прошлого века теоретик музыки Арнольд Шёнберг предложил новый строй музыкальной композиции (и исполнения), а именно так называемую двенадцатитоновую систему. Кстати, в своем выдающемся романе «Доктор Фауста» Томас Манн, хотя бы он и имел в виду судьбу и философию Ницше, «облек» главного героя по житейской атрибутике в «одежды» Шёнберга с его музыкальной новацией.

Некоторое время спустя, но в том же двадцатом веке, Теодор Адорно из Англии, чье имя очень известно во многих кругах, что называется, от искусства до философии, развил двенадцатитоновую музыкальную концепцию Шёнберга, но уже в практических целях заложив в нее (зомбирующее) управление сознанием человека слушающего. Это и была предтеча мирового зомбирования — расчеловечивания посредством музыкальных масс-психозов. Далее идет известная легенда, но очень похожая на действительность и уж тем более похожая, что результат-то был получен ошеломляющий! Суть же были — легенды, несколько лет назад «попавшей в лапы» жадным до сенсаций западным СМИ и растиражированной ими на весь мир, состоит в следующем.

В самом начале 1960-х годов британская разведка МИ-6, выполняя явно заказ тогда еще тайных мировых сил, готовивших предтечу глобализации, поручила Теодору Адорно разработать спецпроект — ни много ни мало — по музыкальному зомбированию больших масс, преимущественно молодежных, с использованием возможной двенадцатитоновой строя. Теория у Адорно уже готова была, а для практического опробывания то ли специально была создана (на деньги-фунты МИ-6) в 1963-м году, или просто веселые парни из Ливерпуля подвернулись под руку... словом, появился «Битлз», который за считанные годы разрушил *всю* массовую музыку прежнего классического строя, с честью выполнив задачу апробации зомбирования широчайших масс. Как всякое пробное начало, ливерпульская четверка недолго и просуществовала. Выполнив свою задачу, получив из рук королевы рыцарские кресты (по представлению МИ-6?), в семидесятом году ребята-«жучки» разбежались уже поодиночке собирать дивиденды. И папа Адорно годом ранее почил... по своей ли воле-судьбе? Разведчики во все времена следов не оставляют. *Додекакофония* — ироничное название двенадцатитоновой системы.

Здесь даже истовый меломан забурчит в наш адрес: но где обещанная литература? А вот и она.

◆ Лично я уже в годы «битломании» ни в малейшей степени не сомневался (далеко еще было до легенды-были в СМИ) в разрушительном начале новых эстрадных веяний. А вот литература тогда, особенно советская, даже и не помышляла о сдаче позиций. Ленинские и Государственные премии в СССР, Гонкуровские во Франции, тем более Нобелевские, вручались писателям с устойчивой известностью — не только в своей стране.

Советский Союз подлинно, без самохвальной рекламы, являлся самой читающей в мире страной. Более того, дело даже не в сравнении с иными царствами-государст-

вами, просто в СССР *читали все*: от «столиц и университетских центров» до зыбучих песков и барханов среднеазиатских окраин, жителей которых еще не столь давно дети лейтенанта Шмидта — из тех же одесских классиков — полагали неграмотными... На этом фоне самыми читающими были инженеры, особенно молодые. А сословие это в советской стране, во-первых, являлось многомиллионным; во-вторых и в главных, тогдашняя инженерная служба представляла собой некий симбиоз полезной занятости и клубного времяпрепровождения: легкий флирт, умеренное потребление того самого по поводам и без, хохот анекдотов про «руководителей партии и правительства» в переполненных курилках... тогда с потребителями травки никотианы никому бы в голову не пришло сражаться, ибо сам *Ильич Второй* еще баловался «Новостью» за восемнадцать копеек пачка; впрочем, тема курения сейчас официально не приветствуется. Но это к слову, а именно к тому, что служебно-клубная обстановка, когда вовсе не эвфемизмом понималась присказка: «Утром на работу с удовольствием, вечером домой с радостью», — непременно включала обмен мнениями и суждениями о прочитанных новинках литературы: книгах и художественных журналах — от «Юности» до «Нового мира».

...В первый год моей инженерной службы из рук в руки, с «записью в очередь», переходила только что изданная «Алхимия слова» Яна Парандовского — с предисловием аж самого Сергея Залыгина, что из числа наиболее читаемых тогда писателей. Заметим, что несколько позже по рукам заходили «Законы Паркинсона» — книга названа по имени автора, — но это несколько иное.

Ян же Парандовский посвятил «Алхимию слова» тому, что сам назвал «лабораторией литературы». В понятной, зачастую остроумной, для самой широкой читательской аудитории, высокохудожественной форме автор вводит в святую святых творца словесного искусства. А «что там за кулисами?» — всегда занимательно для находящегося в зале. Но одно дело нынешние ТВ-спектакли, адресованные самому низменному инстинкту обывателя, в каковых (спектаклях) некогда кумиры этих самых залов кино- и просто театров, вытряхивают свои старческие кальсоны, брюзжа на молоденьких содержанок, обобравших до нитки артпапиков, совсем другое — творческая лаборатория писателя не так уж и далеких от нас времен. С устоявшимися традициями самого творчества, их глубинным содержанием и внешним антуражем.

...Пространное «силлабо-лирическое» отступление к тому, что с античных времен и до недавнего оцифровывания и умозамещения литературное творчество являло собой *профессию*, хотя бы, согласно табели о рангах, в послужном списке писателя и стояло: камер-юнкер или камергер, дипломат, путешественник на фрегате «Паллада», а потом главный цензор Российской империи, помещик, разночинец, чиновник не выше коллежского асессора, исключая статских генералов Г. Р. Державина и М. Е. Салтыкова-Щедрина... И так далее. Даже в советское время, когда писательство являлось профессией де-факто, но де-юре в соответствующих реестрах не обозначалось: пенсия по каким-то косвенным статьям оформлялась.

Нынешний же безлошадный сочинитель, уже и забывший этимологию слова «гонорар», только что может горестно повторять слова капитана Лебядкина из «Бесов»: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?»

Завершая краткий ностальгический экскурс в безвозвратно ушедшее доцифровое время, в сонетной манере свяжем окончание с началом, а именно скажем еще несколько слов об образцово-показательном сведении музыки к средству эффективного зомбирования. Как «битломания» разрушила мелодику популярной, эстрадной музыки, сведя ее в итоге к преобладанию ритма, то есть кодирующей сознание цифры, так в течении первых двух третей прошлого века и так называемую серьезную музыку, симфоническую, оперную, балетную, оркестрово-концертную и пр., оцифровали в указанном выше смысле и назначении. Если девизом нынешних — на подхвате, подголоске и подтанцовке у Великого глобализатора — СМИ является рекламный девиз

«Вместо слова цифра», то (опять вспомним афористику все тех же одесских классиков) для современной, бывшей «серьезной» мелодичной музыки характерен зомбо-запрограммированный ритм «негрских плясок у истоков Замбези». Таковой облик современной «классики» в отечественном варианте можно, хотя и осторожно, в качестве истоковых, усмотреть у Игоря Стравинского и Александра Мосолова, далее Шостаковича и, конечно же, у Шнитке. Уже особо и не останавливаемся на «Симфонии гудков» Арсения Авраамова (это псевдоним; сам он был сыном донского казачьего генерала...). Этот оригинальный русский композитор по праву считается *мировой предтечей* зомбо-музыки. Однако — опять к литературе.

♦ Потеря профессиональности, упразднения лаборатории литературы и понятия творческого авторитета — таковой, воочию наблюдаемый процесс, уложился по времени в неполные три десятка лет. Темпы, конечно, космические — в сравнении с двумя с половиною столетиями возникновения, становления и расцвета отечественной словесности. Но ведь и сама социальная эволюция в период глобализации неминуемо ускоряется — говоря ученым языком: переходит на возрастающую экспоненту, — семимильными шагами убегая от традиционной духовности и творческой художественности в суконно-цинковую оцифрованную среду прозябания и невостремленности.

Литераторы, особенно поэты, как натуры восторженно-нервические, суть сугубые индивидуалисты. Это ни в коем случае не порок, но специфика творческого человека, в своем мышлении субъективирующего весь отражаемый в сознании мир объектов и процессов. Поэтому неуклонный рост их профессионализма во многом, если не в основном, стимулируется тем развитым в них качеством, которое вольно поименовать равнением на мастера — это для трибунного красного словца. В душе же своей, или в узком кругу доверенных лиц, — *творческой завистью*. Таким образом, естественное выделение из среды писателей мастеров слова, то есть *авторитетов*, есть процесс позитивный, движитель постоянного литературного процесса. Опять же литератор, даже все тот же вдохновенный, знающий себе (порой) завышенную цену поэт («Я, гений Игорь Северянин...»), есть натура совершенно реалистическая. А «в реалисте, — говорит персонаж «Братьев Карамазовых», — вера не от чуда рождается, а чудо от веры». То есть устремление в совершенствовании своего творческого потенциала с равнением на признанных авторитетов и есть та вера в свои способности и усердие на сочинительском поприще, которая в итоге и может сотворить творческое чудо: и сам писатель «воссияет на скрижалях» (Леонид Ильич, сам уже с пятью геройскими звездами на пиджаке, вручит лауреатскую медаль), и число читателей зашкалит за десяток-другой миллионов. Главное, душа художественного сочинителя возрадуется одновременно горделиво и самоуспокоенно... Так и было в столь недавнюю пору *признания* авторитетов: именно мастеров-авторитетов, вовсе не «литературных генералов».

Все прошло как сладостный сон. Исчезло само понятие авторитета в литературе, которое даже близко не заменит термин «пиарщик в оной же». Это все из различных опер... и оперетт. Правозглашенный Великой французской революцией 1789-го года лозунг, взятый у масонов, — *liberte, egalite, fraternite*, — в части *egalite* — равенства следует воспринимать с осторожностью. Равенство трехсот миллионов жителей СССР в правах и обязанностях — это мировая вершина социальной справедливости. Общемировая практика римского права в части равенства перед законом — тоже справедливо... если, конечно, таковое равенство на практике исполняется. Но говорить о поголовном творческом равенстве людей есть абсурд и предельное лицемерие. Да, Декларация прав с трибуны ООН (кажется, с американской конституции списанная?) о том, что все люди появляются на свет *равными*, возражений не вызывает. Но вот творческий заряд в этих людях усреднению не поддается — это как средняя температура по больнице... *Творчество есть категория персонифицированная!*

...Кстати, раз упомянули об Америке... Северной, конечно, что между Канадой и Мексикой, то в этой мировой вершине прагматизма и утилитаризма сложилось уникальное равенство, о сущности которого, правда, безотносительно к Америке, писал в «Подростке» Ф. М. Достоевский: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства»*.

То есть деньги не источник равенства, но средства его достижения. Причем такое, денежное равенство есть *нивелирование*, усреднение человека в социуме. И с наступлением эпохи глобализации практика такого усреднения от сугубо экономической была распространена на все сферы социума, литературу и все остальные искусства-художества тож.

А Лев Николаевич Толстой с намного большей, нежели Достоевский, категоричностью исторически видел такое нивелирование ума людей в... изобретении книгопечатания ювелиром из Майнца Иоганном Генсфляйшем Гуттенбергом (!) Уже упоминавшийся выше другой Лев, но только Давидович, то есть Троцкий, «умягчил» резонно высказывание классика: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество — это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма — это несомненно»* («Литература и революция», 1923).

Еще раз повторимся: в эволюции вообще, в социальной тем более, все изначально запрограммировано. Всякое новое социальное явление в истории цивилизации и культуры изначально позитивно, прогрессивно для развития человека разумного и всего человечества в целом. Но все эти новации, возникающие в течении социальной эволюции, в итоге и *одновременно* достигли своего апогея ко времени биосферно-ноосферного перехода, когда человек разумный *биологический*, увы, выполнил определенную ему эволюцией задачу высшего развития, то есть достиг предела совершенствования *индивидуального* мышления. Дальше той же эволюцией предопределен (см. ЖМФН) переход к доминированию *коллективного* разума, то есть преобладания биотехнического симбиоза информационной виртуальной реальности, предтечей которой являются нынешние глобальные телекоммуникационные сети (интернет), а индивидуальный человек стремительно, буквально на глазах, становится их придатком-пользователем.

Это все к тому сказано — возвращаясь к нашей тематике,— что Лев Николаевич (с поправкой Льва Давидовича) обличал не собственно архиполезное для человечества изобретение Гуттенберга, но уже в годы его жизни имевшее место быть профанирующее качество доступности к печатному слову. Как читающего, так — и особенно! — пишущего. Но такая профанация, дилетантизм в наше время полной доступности к печатанию, оргтехники его подготовки и дешевизны — в небольшом числе экземпляров — мощно способствовали потере профессионализма, утрате творческих авторитетов, упразднению понятия и содержания «творческой лаборатории». Опять же все это на виду и на слуху, особого пояснения не требует.

...Сейчас с самых высоких мировых трибун человечество, напуганное стремительным глобальным натиском цифрофрени, уверяют, что напрасны опасения в части самой скорой передачи всех трудовых функций человека роботизированным механизмам. Дескать, эти системные автоматы будут выполнять всю рутинную и тяжелую работы, а освобожденное от забот о хлебе насущном человечество *все целиком* отдастся творчеству. Но ведь такое утверждение (см. выше) уже не только средняя температура по больнице, но еще и усредненное артериальное давление! Словом, в современном духе препарирова слова из оперы: не счесть талантов пламенных в неоне джунглей каменных.

♦ Параллельно с потерей писательского профессионализма и понятия творческого авторитета, но в общем-то независимо от этого, произошла и утрата массового

читателя. И вовсе не потому, что таковой в один миг поглупел с натиском глобализма. А если и поглупел отчасти, то с него и взятки гладки. Опять же Федор Михайлович в своих статьях о русской литературе, 1861 г. не в бровь, но в глаз сказал: «*Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...*» Это все одно, как бы и великий талант полагал себя обиженным матерью-природой, что сотворила его не мирным бюргером и любителем баварского пива, но обрекла на каторжный пожизненный творческий труд до умоисступления, причем сугубо «за интерес», а не за звонкую монету! — Та же палка, да с другого конца... Теория относительности словом. И уж совсем категоричен Чехов, утверждая, что дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из 100 вовсе нет ума. Что-то в этом роде сказал.

Итак, мы не об умных и дураках ведем речь, но об утрате массового читателя в наступившую эпоху *не в зависимости* от степени совершенства или несовершенства устроения правого и левого полушарий головного мозга индивидуума, отвечающих, соответственно за образную художественность и логику мышления, но о явлении *системном*, социально-эволюционно обусловленном. А таковое всегда обусловлено категорическим императивом действительности философской категории *причинности*. Иной скептик возразит: причем здесь причинность? читал себе человек, грамоте обученный, в свое удовольствие в свободное от трудовых и иных подвигов время и чего бы ему не продолжать набираться ума-разума и всяких романтических чувствований вне зависимости от «погоды на дворе»? Да, пусть глобализация за окном и на экране телящика набирает обороты, свирепствует цифрофрения и умозамещение, но мне-то что до всего этого? Лежу на диванчике и почитываю, благо и писатели еще пописывают...

Ан нет, отвечаем скептику, от причины не отмахнешься. Это не телящик с волнующей программой «В гостях у цифры», что можно, сопроводив легким матерком, выключить, а порыв гнева погасить на кухне стопкой «очищенной». Ибо причина — задатчик любого социального процесса. Ту же глобализацию вовсе не в Белом доме (который настоящий, г. Вашингтон, федеральный округ Колумбия) придумали и не в «совете нечестивых» — предполагаемом Тайном мировом правительстве. Оные только исполнители категорического императива причинности. Последняя же суть развертывание матрицы некоего фундаментального кода Мироздания (см. ЖМФН) — в данном случае в движении социальной эволюции человека. Причинностью обусловлено и явление глобализма, как высшей и завершающей стадии империализма (Это как у В. И. Ленина сам империализм есть высшая стадия капитализма...), относительно короткой в эволюционном масштабе — по разным оценкам 80...200 лет,— после окончания которой человечество приобретет «полный статус» *человека* — всемирного общества полного (социального, экономического, умственного, творческого и пр.) *равенства*. То есть прогноз Маркса о всеземном коммунизме и акад. В. И. Вернадского о ноосфере в таком же ключе через век-другой сбудутся... только равенство это окажется равенством гаек-шестеренок, придатков телекоммуникационных сетей глобальной виртуальной реальности.

А затем и вовсе завершится отведенная эволюцией роль человека биологического... Но — это-то нескоро еще. И не следует сейчас оплакивать грядущего робота в человекине. Человек — самое адаптивное животное в биоэволюции. Ведь только два-три десятка лет мы в объятиях глобализации; умозамещения и цифрофрении тож. А разве чувствуют свое ущемление средние, тем более младшие поколения, уже обретшие качество *недолайкиных*? — Отнюдь нет. И старшие поколения скорее лишь по традиции бурчат, но и то о низкой пенсии; мол, небольшая, но хорошая...

Все сказанное в пространном отступлении преследует цель: пояснить роль причинности, то есть не случайности, утраты писателем своего читателя.

◆ Но куда же он делся — наш бывший читатель? Тем более у нас в отечестве, повторимся, еще не столь давно воистину, не для пропагандистского словца, бывшем

самой читающей страной в мире? Оглянитесь вокруг себя и узрите людей новой формации: Кешбэка Кешбэковича Онлайнюка, Нанотана Постеровича Цыфринского, Катцапа Аплиевича Вайнберга и самого Фейсбука Кликовича Недолайкина.— Все сплошь ваши вежливые соседи, сослуживцы, телесериальные «говорящие головы» и пр. и пр., увешанные китайской выделки гэджиками, сам-один разговаривающие при уличной ходьбе. Перенесись на машине времени в наши дни человек из не столь уж далекой эпохи «пятнистого консенсуса», так первая мысль его будет: наверное, в Кашенке проводят — в духе либеральных реформ — день открытых на выход дверей!

...Правильно, уважаемый читатель, мыслите. Но, к сожалению, не в корень зрите. Интернет, гэджики, цифрофрения во всем и вся (а у нас, как то принято, в рамках кампаний, «месячников» и пр.— со смехоподобным перехлестом) — это вовсе не замена чтению художественной литературы, как неуклюже силятся внушить народу масс-медиа, но сугубые технические средства расчеловечивания грядущего робота Молоха глобализации, достижения уже упомянутой выше главной цели: перехода в индивидуальном и коллективном разуме от творческого аналогового мышления к утилитарному цифровому. Последнее уже принято называть *компьютерным мышлением*. Вот в этом-то и зримый корень того явления, что связываем с утратой <литературного> читателя. А который (их все меньше и меньше...) еще остается, то все чаще с уровнем восприятия писаний Ратазеева из «Бедных людей» Достоевского: «— *Владимир!*... — *шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...* *Новый, ужасный брак был совершен!* ...*Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.— А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить?* — *сказал он, потрепав жену по щеке*».*

Опять же всякие ссылки на заботы современного (отечественного в особенности) человека по добывания хлеба насущного — кручусь, мол, от зари до зари! — тем более с маслом и икрой, совершенно неубедительны. Этот самый хлеб в истории страны никому даром не давался. Но все же при свечах читали, в окопах, после трудового дня. Время на чтение всегда найдется, если есть побуждение к этому. Но свершившийся уже буквально прямо на глазах переход среднестатистического человека — не без директивного довленья телеэкрана и гэджиков — в категорию адептов компьютерного мышления поставил жирную точку: баста, книги читать — не дензнаки считать! Книги — на помойку, глаза — на экраны! Выстраивается цепочка запрограммированной подготовки тружеников-роботов периода глобализации: человек читающий → «подключение» его к телекоммуникационным сетям (интернет) → «загрузка» гэджиками → цифрофрения → отказ от чтения какой-либо литературы → справочный <через интернет> характер памяти → умозамещение → справочный характер мышления → компьютерное мышление. Как следствие — не то что отсутствие позывов к чтению, но и непонимание такого рода занятий. ...Сразу вспоминаются выражения лиц моих коллег по службе, добрых знакомых, но особенно «собратьев по перу», когда я презентую им свою новую книгу. Но — это надо только видеть, словами передать можно, не живописуя, лишь абрисно: самое невероятное, как обрезки копченой колбасы в винегрете, сочетание обиды, ведь не бумажку, на худой конец с портретом Вашингтона**, дают! с непониманием сущности странного дара, а главное — в глазах благодетельствованного, доцент он или полный профессор, слесарь-интеллигент (как у одесских классиков), тож знающая грамоте домохозяйка и так далее по всей социальной иерархии, мечется самое полное отчаяние: да разве можно прочесть (да-

* Еще Фрейд заметил («Остроумие и его отношение к бессознательному»), что обилие анекдотов — признак творческой эпохи. Таковы были советские 60—70-е гг. А блестяще-злая ирония Достоевского с «цитатой из Ратазеева» породила в названные годы серию анекдотов по схеме: «— А не испить ли нам кофейку? — сказал граф <... далее описание действия>... А за окном ковали сталь».

...Сейчас анекдотов не сочиняют вовсе. Это и есть самый верный признак угасшего творчества...

** То есть однодолларовая купюра...

же средней толщины) книжку? Это-то по привычке к «мыльным» телеграфным сообщениям в пару-тройку строк, к таковым же эсэмэскам... А главное, зачем? Ведь за труд чтения никто не даст тебе бумажку, на худой конец... — см. чуть выше. Как говорят физиологи, порочный круг патогенеза замкнулся.

Так, или примерно так, всего лишь за два десятка лет бывший массовый читатель обрел качество компьютерного мышления, сущность которого состоит в следующем. Раз выше упомянуты физиологи, то с позиции физиологии работы человеческого мозга все три важнейшие функции этой работы, а именно, базовая (подсознательная) память, логическое левополушарное и художественно правополушарное мышление, нивелируются по всем субъектам этого мышления. Как Макар Нагульников из «Поднятой целины» советского классика рассуждал (и в точку попал, не целясь!) о будущем человечестве в том смысле, что все будут одинаковыми на лицо и мысли, «смугленькими такими». По отношению к логике и художественности мышления неприменим принцип Архимеда — Лейбница: если где-то убыло, то в другом месте прибыло. Хотя все по той же физиологии правое и левое полушария трудятся совершенно автономно друг от друга, лишь «технически» соединяясь так называемым мозолистым телом (в известных опытах с перерезанием такового у обезьяны, последняя особь не изменялась в поведении после этого...), но иначе как лукавством и малограмотностью нельзя не считать уверения «телевизионных авторитетов» (*«В русском человеке дерзости его ученого языка — почти нет пределов»*, — Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя» за 1873 год), что-де ослабление художественности в современном человеке «компенсируется» усилением логики мышления. Нет, уважаемый имярек, ты самовольно законы эволюции не переписывай! Как в очеловечивании — в движении социальной эволюции — логика и художественность мышления всю дистанцию периода цивилизации и культуры «шли на равных», так и в обратном процессе расчеловечивания, увы, они тащатся вспять, имея один старческий посох на двоих...

♦ В компьютерном мышлении оцифрованный* мозг нивелируется по всем трем названным функциям. Базовая память, как уже говорилось выше в очерке, хранящая в себе все накопленное и воспринятое человеком за сознательную жизнь, с безгласным ужасом осознает свою невостребованность. Это как современный писатель. Зачем сколь-либо мощная память современному Недолайкину, если двумя-тремя нажатиями клавиши компьютера или столькими же касаниями подушечкой указательного пальца экрана смартфона он получает ответ на возникший вопрос? И это никак не преувеличение тенденциозное, а уже сугубая обыденность. Пример из жизни всегда воспринимается нагляднее и убедительнее туманных ссылок на психологию мышления и прочие научные дисциплины, коль скоро пишем для массового читателя — уже не оговариваясь вдругорядь: а есть ли в природе сейчас таковой? Вот и пример. Из ничтожного числа читателей моих романов самым усердным полагал средневозрастного доцента. Он действительно читал и сейчас читает мои книги — это сразу видно по отдельным его репликам по части сюжетов и персонажей. Был я в восторге и всячески привечал столь редкую особь в современном человеке (а в вузах «преподы» и в советское-то время беллетристкой пренебрегали, только лекции свои талдычали...). Но весь восторг ушел в бездну уныния, когда тот однажды признался: «Уф-ф! Закончил ваш роман; почти полгода читал — очень уж часто приходилось обращаться к интернету: много «непоняток» встречается».

«И ты, Брут!» — мысленно вскричал я, а самого как ушатом холодной воды ока-

* Ф. М. Достоевский, столь часто — и всегда к слову! — здесь цитируемый, больше всех своих великих романов гордился тем, что ввел в русский язык новое слово — стушеваться. Мы — люди скромные, но также указываем на свои (извините, назойливо повторяемся) нововведения; в частности, термины «умозамещение» и «цифрофрения», озвученные, соответственно, в книгах: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино. — М.: «Московский Парнас», 2017. — 343 с.; Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино. — М.: «Новые Витражи», 2019. — 329 с.

тили. Как? современный, грамотный человек, не лишенный тяги к художественному, уже без интернета не способен прочесть роман, написанный по всем канонам (грешен, не уважаю всяческих эпатажно-пиаровских вывертов) русской и советской художественной прозы?! Более тому доценту книг не даю. Да и он повзрослел — не просит. Так и лишился последнего читателя на горестной ноте «си» и с доминантой «быстрее, еще быстрее к компьютерному мышлению».

Полагаю, пример убедителен. Владея корпусом знаний в эволюционной и социальной биологии, а также в современной математике описания информационно-энтропийных систем, можно точно рассчитать число поколений в ряду расчеловечиваемых компьютерным мышлением, после чего у такового индивидуума базовая память остается лишь артефактом. Что и сделано в сугубо научной серии книг ЖМФН. Получается лишь счетное число поколений... Но ведь базовая память есть и базис (извиняемся за невольную тавтологию) литературного творчества! Вывод неутешителен: компьютерное мышление и художественное творчество несовместимы.

От ущемления при компьютерном мышлении качества и содержания базовой памяти расчеловечиваемого индивидуума переходим к логике. Очень сложно в неспециализированном очерке объяснить угнетение логики мышления в оцифрованном человеке. Поэтому ограничимся примером, но — все прекрасно объясняющем. Не только психологам, но и любому наблюдательному, самодостаточно мыслящему человеку хорошо известно: если при разговоре *vis-a-vis* все время, что называется не моргая, собеседник пристально смотрит вам в глаза, то значит... он врет. Вспомните, именно так *«лупит на вас свои зенки»* (это у Даля так сказано) продавец, пытающийся всучить залежалую китайскую некондицию, убеждая в ее замечательной высшей сортности. Или начальник, убеждающий подчиненного в самом благожелательном к нему расположении...

Но мы не о «зенках», которые просто к слову прилились, хотим сказать, а о жестикологии руками. Опять же практикующий психиатр (или просто квалифицированный психолог) как дважды два объяснит, что навязчивая жестикология руками при разговоре есть самовернейший признак... скажем мягко: логической недостаточности. Вы, читатель, злорадно вскричите: да-да, ведь женщина и пары слов не может произнести, не сопроводив их такими выкрутасами рук, особенно соблазнительно обнаженных, от плеча до мизинца, что даже великий актер-мимик Марсель Марсо позавидовал бы! Не торопитесь, если даже намеренно обиделись на супругу, сварившую на обед пустой борщ вместо наваристых щей с бараниной. Да, у женщин слабовата обычная формальная логика мышления, то есть «да — нет — или», чем и гордится сильный пол. Но зато, как отметил и обосновал еще полтора столетия тому назад популярнейший тогда «разговорный философ» Бокль, женщинам, более чем мужчинам, присущ *дедуктивный* характер мышления (это как у Шерлока Холмса...), что есть вернейший признак намного более продуктивной *аналоговой логики*.* Так что мы квиты в части логики! Опять же таковая логика и жестикология слабо коррелируют, но вот обычная логика — см. выше. А теперь посвятите два-три часа телепередачам начала вечера, когда идут сплошь «разговорные» программы, и обратите внимание на руки страстных мужиков-говорунгов: тот же Марсель Марсо отдыхает... Выводы за вами.

Одна *nota bene*: если среди ваших знакомых или коллег (не дай бог, родственников!) присутствует представитель достаточно редкого типа мужчин, что даже при ходьбе ни на миллиметр не пошевеливает руками, держа их строго вертикально, то — отрезитесь от такового. Полное отсутствие жестикологии есть вернейший признак характера с набором негатива: себе на уме, подозрительность, своекорыстие, мстительность и пр. Упаси бог!

* Наш друг и научный коллега Александр Иванович Субетто, президент Ноосферной общественной академии наук (СПб), всячески ратует за разработку научных основ аналоговой логики, рекомендует и нам обратить на это внимание. Есть над чем подумать...

♦ Итак, логика у «компьютерного мыслящего» (в отличие от собственно компьютера, работающего строго по законам формальной логики) человека ущемлена. А раз, как сказано выше, у логики и художественности один посох на двоих, то снижение логичности мышления влечет за собой и антипотенцирование художественной творческой мысли. Опять же не станем особо умничать, но упомянем высказывание признанного авторитета эволюционной биологии Джулиана Хаксли, что-де высшие животные тоже мыслят, но не осознают этого своего качества. То есть не обладают понятийным языком, а язык — это и есть предмет и содержание логики — и сама логика, добавим мы вслед за Хаксли и выдающимся нашим философом и логиком А. А. Зиновьевым.

Оставим в стороне наших родственников обезьян, как жителей иных климатов. Но в час вечернего досуга, особенно умеренно «употребив» за ужином, посмотрите внимательно на своего домашнего питомца Ваську или Полкана. Оба они, умно наморщив лбы, уже давно воззрились на главу домашней стаи — это для Полкана или мирного сожителя — для Васьки. Нет, в отличии от домохозяйки, они и словом не желают упрекнуть в «горячительном» (под селедочку) старте ужина, но в их глазах прямо-таки читается желание рассказать о проведенном без работяги-хозяина дне — в форме доноса друг на друга (у хозяев научились): как Васька гулял на запретном для него кухонном столе, а вот Полкан, вскочив на подоконник, лаял на дворовую Жучку... Много чего есть поведать, но лишенный логики разум не в силах собрать донос в цельный образ и хотя бы промодулировать мяуканье и лай смысловым звуко-рядом. Тогда бы даже слегка охмелевший хозяин понял сущность верноподданнически докладываемого. А вот хозяйка с ее дедуктивной аналоговой логикой все и так понимает. Но прощает шалости по извечной женской доброте...

Бредите, сударь! Это наш «поток сознания» прервал разгневанный читатель. Ведь сколько эсэмэсок можно было выщелкнуть на «компе» или «смарте» за время, что понапрасну потрачено на чтение про Ваську и Полкана. Жучку тож. Нет, уважаемый, не бредим, ибо наяву пишем, а на часах нет двух пополудни, с коих еще предыдущий губернатор наш, трезвенник и долларовый миллиардер, распорядился продавать акцизную... А на примере с преданным Полканом и доморожденным философом Васькой образно и архипонятно показана сущность (без умничанья!) хромоты — вослед за таковой у логики — художественного творческого мышления у ныне расчеловечиваемого усердием Великого глобализатора индивидуума; в нашем случае литературного сочинителя и читателя с благоприобретенным характером компьютерного мышления. То есть, *утрата логики имеет прямым следствием функциональную безграмотность.*

Опять же, стиснув волю в кулак, посидите часок-другой перед телеэкраном, выбрав программы, где телеведущая в глубоко декольтированном наряде или молодой тележурналист с модной уже третий сезон среди «патриотов» антипатриотической растительностью (стрижка с оселедцем «под хохла» и бородка на кадыке — явно под «иглиовца, смелого бойца») интервьюируют... кого угодно, любого возраста, образования (по диплому лишь, впрочем), должности и рода занятий. Ну-у, например, по теме цифровой экономики, футбола, всяческих успехов во всем сразу. Теледива и молодой репортер задают вопросы заученно, потому грамматически и даже в смысловом наклонении правильно. Допрашиваемый же, виртуозно маневрируя сухонькими ручонками, выдавливает из себя некие слова-термины, преимущественно американизмы, кое-как связывая их междометиями и словами-паразитами: э-э-э, м-м-м, вроде как, типа того, как сейчас принято, классно и т.п. Эллочка Людоедка на таком фоне за эстрадного чтеца-декламатора сошла бы!

То есть функциональная безграмотность, как возврат эволюции от человека разумного к высшим животным (см. выше определение Джулиана Хаксли), есть потеря логики языка, который, как было сказано, и есть сама логика. Это не эвфе-

мизм, но закольцованное определение сущности происходящего. Человек помнит набор слов, понимает этимологию каждого из них по отдельности, то есть сопоставляет с ним *образ в оперативной памяти*, но связать их в осмысленную, законченную семантико-семиотическую, как бы сказал ученый в части психологии мышления, увы, он не в силах.

Вот такого «читателя» с уже сформировавшимся компьютерным мышлением и имеет нынешний сочинитель... вдобавок, и он уже сам затронут таким поветрием.

Чтобы не запутать читателя из числа не разучившихся понимать литературные тексты, то есть знакомящегося с настоящим очерком, все же уточним выделенные выше понятия в их взаимосвязи. Человек — это не компьютер, и наоборот. Как бы ни старались современные масс-медиа убедить нас в скором наступлении «эры искусственного интеллекта», в которой, как уже говорилось выше, человек биологический и бездушная железка-пластмасса компьютера и их сетей сравниваются в разуме, но это есть суцая профанация. Во-первых, законами эволюции таковой «искусственный интеллект» не достигим (см. в ЖМФН) — он был, есть и будет *только* запрограммированной человеком машиной. Во-вторых, в контексте нашей темы, действенен принцип «у больного здоровья не просят», то есть если человек может бесконечно (в разумных пределах) совершенствовать ЭВМ и их <глобальные> сети, основанные на нейропринципах, самопрограммировании и пр., в какой-то степени имитируя в их работе-вычислении свое, человеческое, мышление, то обратный ход, то есть обретение человеком компьютерного мышления, дает обратный же эффект: расчеловечивание. И все это по части законов эволюции! Дадим суммирующее определение.

То есть сущность компьютерного мышления человека заключается в приобретении им функциональной безграмотности, как следствие утраты логического мышления, то есть сведения мышления к оперированию отдельными словами-терминами с минимальной смысловой связкой между ними. В отличие от человека, компьютер вычисляет по строгой логике, заложенной при создании ЭВМ человеком, но компьютерно мыслящий человек утратил эволюционно заложенное качество опережающего самопрограммирования.

Единственное, что осталось у «компьютерного мыслителя» от человека в прежней, творческой ипостаси в том же качестве,— это оперативная, или «разговорная», память. На нее-то и перенесена вся «нагрузка», ранее парциально складывавшаяся на базовую память, логику и художественное мышление. Но и здесь, с учетом языкового общения, налицо смещение понятий. Несколько трансформируем известную поговорку: что у компьютерно мыслящего человека на уме, то есть в оперативной памяти, то и на языке. Но в таковой связке «оперативная память — язык» по определению (см. выше) логика мышления ущербна. Отсюда и современная формализация языка — со словарем Элочки Людоедки, американизмами и пр. То есть слушаешь нынешнего человека и вроде как кажется: по делу говорит, суховато, но вроде убедительно, слов мало, говорятся они по многу раз... Но прослушал — и тотчас забыл, ибо не было логической увязки. Ведь формализация языка — это не логика, хотя по первоначалу таковой может и показаться. Словом, эффект жевания ваты во рту... Или чтение нынешних газет: как «правых», так и «левых».

♦ Вот и представили облик современного «читателя-нечитателя». Заметим, что это не брюзжание, не негативизм по образцу «раньше масло было маслянее (хотя и это суцая правда!) и вода мокрее». К сожалению, все сказанное есть то же самое «ума холодных наблюдений» — см. ЖМФН, а кто нам не поверит — перечитайте величайшего провидца Ф. М. Достоевского, в отношении которого литературоведы обычно отмечают, что из его предвидений очень многие сбылись, но именно все они из числа пессимистических в отношении грядущих этапов социальной эволюции человека. С этим надо не то что смириться — законы эволюции пересмотрю не подлежат! — а человек, как уже говорилось, сверхадаптивное ко всяким изменениям соз-

дание природы, но просто иметь в виду, не задаваясь в данном аспекте исконно русскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?» С первым разобрались, а вот что делать современному писателю при наличии компьютерно мыслящей «читательской аудитории», то есть о чем же писать, в каком «наклонении» и пр.— вплоть до сократительного: а стоит ли вообще мудрствовать-сочинять и тискать литерами все дорожающую бумагу?

...Книгоиздатели и книгопродавцы (см. разговоры в стихах с представителями этих почтенных профессий у Лермонтова и Маяковского) и представляющие их на «медиааренке» СМИ призывают мастеров словесности потакать изменяющимся вкусам потенциальных читателей. А кто, дескать, не захочет следовать девизу «чего изволите?» тот загодя избавит господ книгоиздателей от хлопот тиражирования своих сочинений, ограничившись печатанием одного экземпляра — для себя любимого.

С другой стороны, азартно следуя «чего изволите?» социальному заказу компьютерно мыслящей массы, в плане историческом легко впасть в конфуз-пассаж, триста лет тому назад случившийся с Генделем — извиняемся, опять о музыке, но ведь она тоже величайший ареал творчества, — а именно, когда он создал свою знаменитую оперу о завоевателе Египта Кае Юлие Цезаре, написав партию римского императора специально под «заказ»-голос знаменитого тогда певца-кастрата. И вот уже три столетия постановщики оперы ищут по всему свету исполнителей с редким контртенором! А то и просто в декор-доспехи великого воителя полумира одевают певцу с меццо-сопрано.

Так и сочинитель «чего изволите?» написав на потребу сегодняшнего дня, уже завтра рискует быть причисленным к лику писателей из числа «ныне совсем забытых». Ведь, повторимся, социальная эволюция человечества именно сейчас, в эпоху глобализации, мчится навстречу неизвестности стахановскими темпами: сегодня массы расчеловечены до статуса компьютерно мыслящих на $\frac{1}{4}$ от прежнего творчески воспринимающего естества; поутру завтра глянь — уже на $\frac{1}{2}$, а к позднему ужину и на все сто процентов! Не успеешь торопиться — по женской (которые с дедуктивным мышлением...) присказке: бегу и падаю, споткаюсь на ходу.

К социальному заказу еще вернемся, но сначала дадим облик современного труженика пера. Это, по преимуществу, тот, кто еще сохранил в себе отголоски — по времени недавнего — императива того же соцзаказа, главное, не мыслит в унисон с самым «блестящим» Людовиком: «*Après moi le déluge*» («После меня хоть потоп»). Попутно, для наивного читателя, заметим: не следует путать компьютерное мышление и авторскую работу, то есть набор, редактирование, корректуру, верстку, с использованием своего домашнего «компа». Хотя, по здравому размышлению, можно сказать, что таковая технизация творческого процесса несколько отвлекает от сущности ее, особенно в поэзии и драме... впрочем, может это и дело сугубой привычки. Но мы — сомневаемся, и все тут!

Такой вот «запоздавший» сочинитель, почти что из предыдущей эпохи, хотя и лет-то мало прошло, а потому еще в поре творческой активности, несет в своей душе и характере самый странный симбиоз, который на Западе формулируют известным эвфемизмом (раз уж вспомнили выше французскую мову, то вдругорядь обратимся в ней: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» («Поскребите русского, и вы увидите татарина»). Нет, мы, конечно, не наших, почти что братьев, татар, с которыми живем бок о бок за шестьсот лет, здесь имеем в виду, но именно то, что в современном, еще не расчеловеченном, русском образованном человеке, к каковому можно зачастую и писателя отнести, наблюдается вот этот самый престранный симбиоз — *grattez* землелепашного крестьянина и... дворянина. Каждого с его характерными чертами — хотя бы и в предельно малом масштабе. Первое — по преимущественному происхождению; ведь все мы «от сохи» наших дедов-прадедов. А уж прадеды у нынешнего старшего поколения еще и крепостное право застали! А вот второе — от высокой

советской культуры, преемственно воспринятой от величественной русской культуры же XIX века, по преимуществу дворянско-помещичьей. И здесь лидирует по глубине и ширине (массового) охвата именно литература. Полагаю, смысл данного разъяснения симбиоза понятен — безо всякой обиды для потомков мужика и помещичье-служилого дворянства.* ...Чтобы по-бабски тотчас не ополчились, сразу скажу, что оба мои деда пахали землю, а затем в Империалистическую воевали солдатами-окопниками, правда, один из них — все в той же Франции под Верденом в составе русского корпуса, посланного «дружественной Антанте» Николаем Вторым...

Итак, таковые сочинители переходного периода от человечества к человеинику скорее пишут по творческой инерции: как разогнавшийся паровоз не в состоянии дать стоп ходу.

♦ *Вернемся к социальному заказу*, отвлекаясь от категории литераторов: «переходные» ли, современные генерации... Таковой заказ определяют не цари, генсеки или президенты. Его формирует, понятно дело, социальная же среда. Советский Союз не являлся, как нас убеждают, неудачным экспериментом Истории. Это был пробный ход социальной эволюции, каковая в своем движении и есть сочетание пробных — опережающих, ложных, тупиковых, проверочных и иных — ходов (подробно см. в ЖМФН). Советский социализм — в отличие от параллельных с ним национал-социализма Третьего Рейха и Социальной (фашистской) республики Муссолини — был именно *успешным опережающим* ходом эволюции. С позиции законов ее это была проверка возможности создания жизнеспособного социально ориентированного общества — государства. С окончанием проверки магистральный путь эволюции вернулся к исходной доселе точки, выработав «решение»: путь к всеобщности такого общества лежит через глобальный переход от капитализма-империализма к социально-ориентированному всемирному социуму. То есть прав оказался гениальный прозорливец Маркс: *только всем миром!* Другое дело, что путь здесь лежит через расчеловечивающий глобализм, а грядущий Марксов коммунизм суть всемирное царство технической виртуальной реальности с приданной к нему роботомассой бывших индивидуальных людей. Опять извиняемся за «краткий курс» политграммы — это для дальнейшей ясности.

Частнособственничество, как давний атавизм человека и существующая на нем (как мухи на навозе, извиняемся) мелкобуржуазная биомасса, несомненно, давала свой соцзаказ, от противного, как в математике, породив в литературе метод критического реализма. Но имеет ли такую потенцию глобализм, тем более в нашей стране, *искусственно-насильственно* возвращенной к названным артефактам-атавизмам частнособственничества и биомассы? Предложенный и обоснованный нами метод нового русского критического реализма (см. различные издания; в интернете — по поисковику) применим, по существу, только к отечественной литературе, которая, в отличие от Запада — Востока, еще долго будет сопротивляться, то есть не терять свои истоки. Самое существенное, что сейчас исчезает основа, базис критического реализма — классовость социума, ибо в глобализме *классы отсутствуют*. Это особенность олигархического устройства мира, что уже давно проверено во времена античности. Вместо классов — пирамида общества потребления. Надеемся, особо пояснять не следует.

Наш русский народ, особенно советский, был *творческим конструктором*; сейчас же он молниеносно перерождается в *квалифицированного потребителя*. Это даже не наши слова, а одного из (многочисленных в девяностые-двухтысячные годы) министров по части образования. По крайней мере, может и не лучшим из министров

* Понятно дело, не имеем в виду скороспелое современное «дворянство» (из грязи в князи), оформляемое в многочисленных столичных герольдических ООО. А в Туле, и при царях-то дворянами бедноватой, вдруг взяли да и переименовали Дом офицеров, где в войну летчики «Нормандии-Неман» очаровывали на танцах местных красавиц, в Дом дворянского собрания...

был, но сказал откровенно, с «прямотой римлянина». А какой соцзаказ может быть у преобладающей профессии «менеджера» и «офисной креветки»? — Если только о преимуществе коворкинга и фрилансера, то есть работы не в конторе под надзором начальника... Но все одно менеджеры и креветки читать давно разучились; точнее говоря, и не умели. Тем более, что нулевой социальный заказ будем иметь на грандиозное полотно, всесторонне показывающее безысходность человека творческого, самоосознающего в глобалистском человеичестве, сравнимое, например, по мощи с показанной М. А. Шолоховым в «Тихом Доне» безысходности казачества (а в области Войска донского тогда проживало пять миллионов!), попавшего в социально-политическую ловушку. Таковой современный писатель не то что на Нобелевскую (тоже уже глобалистскую) премию не сможет претендовать, но даже на диплом III степени участника конкурса ЖЭУ № 17 «Наш оцифрованный двор»!

Так что, в отсутствии соцзаказа — по определению самой глобализации — остается нашему старинному сочинителю писать все для той же обнуленной аудитории по принципу артиллериста: выстрелил и забыл.

♦ *Продолжим о симбиозах*, которыми насквозь пронизана история России: от официального девиза графа Уварова «самодержавие — православие — народ» до современного неофициального, сформулированного А.А. Зиновьевым: «западнизм — советизм — феодализм (церковь)», причем советизм — это где надо еще немного подождать, штаны подтянуть, а западнизм — постоянные ссылки в СМИ: а вот у них так-то, нам надо тотчас перенять... исключая ссылки на западные зарплаты, конечно.

Естественен вопрос: если должно нам равняться на Европу — Америку во всем (кроме зарплаты), то теперь-то в эпоху глобализма разве не спасение для русской словесности и ей *подравняться*? Немного совсем уж близкой истории. В середине семидесятых годов журнал «Иностранная литература» как-то в одночасье обрушил на неискушенного советского читателя целый ворох (условно) современной западной литературы; на памяти: «Портрет художника в юности» автора «Улисса» Джеймса Джойса, «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша, «Рыжие сестры» Франсиско Гарсиа Павона, «Кружевница» Паскаля Лэне, «Геофил Норт» Торнтон Уайлдера, «Человек-ящик» Кобо Абэ, «Черный принц» Айрис Мердок... можно еще на пару-тройку строк продолжить. А в сборнике «Писатели США о литературе» (1974 г.) и главного теоретика современной западной литературы Дж. Сантьяну опубликовали. В той же «Иностранке» напечатали «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» молодого европейского писателя. Коль скоро других его публикаций на русском языке тогда не было, то и имя его (скорее всего псевдоним) не запомнилось. Что-то вроде Ричарда Баха. Но именно эта «Чайка» с уважительным именем и стала квинтэссенцией новой западной беллетристики. В девяностые годы у нас начали печатать и тех, кого на Западе именуют (скромно) «современные классики»: Кастанеда, Урсула ле Гуин, испанский писатель из Валенсии Хуан Хосе Мильяс.

Из чтения всех названных выше «почти современных и уже современных классиков» вырисовывается основная (и довлеющая!) творческая манера западных писателей: опять же *симбиоз реальности и вымысла*.

...Вроде как Запад, особенно Европа, давно социально-политически и экономически едины; глобализм их-то уже полностью поглотил. Но одина ли их литература, как того следовало ожидать, бесконечно пережевывая это сочетание реальности и вымысла? На первый взгляд — утвердительное «да». Читая роман «У тебя иное имя», за который Мильяс был удостоен престижной испанской премии *Nadal*, и мы как бы не выходим за стены-рамки уже и своего сектора глобализма: главный герой романа Хулио лечит простуду тем же колдрексом, что и мы приносим из аптеки; в видении (реальность + вымысел) телевизионщики устраивают реалити-шоу встречи внучки с бабушкой после многолетней разлуки (см. на наших экранах целый сомн таких телеспектаклей...). И так далее: все «родное», все стало похожим на земшаре. Пожалуй,

единственное отличие от «наших палестин» — Хулио регулярно посещает «своего психоаналитика». Это скорее сходство с американским бытом, где каждый Джон имеет своего адвоката и психоаналитика. У нас же пока народ в массе головой здоров, а потом опасается всяких наименований, содержащих корень «псих», полагая носителей таковых шарлатанами. «А то занесут в какую-нито картотеку, потом и прав водительских не получишь!» — вполне справедливо рассуждает добрый наш народ, опутанный суконно-цинковой бюрократией...

Но мы отвлеклись на злободневное. Читая же «глобализованный» по деталям быта роман Хуана Хосе Мильяса, «современного классика», сквозь все эти колдрексы, психоаналитиков, телешоу «Жди меня» вдруг неосознанно вспоминаешь... «Дон-Кихота». Ни много, ни мало! Даже в нашу злосчастную эпоху глобального нивелирования *именно* в литературе нельзя заглушить ее *корни и истоки!* Точно также читая современную французскую, англо-американскую, немецкую литературу, в особенности прозу, находишь, также неосознанно, ее корни: Монтеня и Руссо, Лоренса Стерна и Шекспира, Гёте и Шиллера, соответственно.

И в какой степени нам равняться во всем и вся на Запад в части словесности, имея свои корни и истоки, идущие от Ломоносова и Державина, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Карамзина (хотя бы последний испортил русский язык введением французской буквы «ё», а русскую письменную историю своей «чего изволите?» под династию Романовых...), а ближе к нам и вовсе умолкаем от гордости и восторга за нашу великую русскую литературу.

♦ О цензуре и самоцензуре, этих извечных спутниках русского писателя, которых мы фривольно сопоставим со строгой супругой-домоправительницей и игривой, но требующей бдительного присмотра любовницей (содержанкой у людей, как сейчас говорят, состоятельных), соответственно, мы уже публично *донесли*.* Кстати говоря, и собственно междоусобные доносы, так замечательно, почти что любовно описанные в «Мастере и Маргарите», доселе в ходу. Как это ни странно, когда собственно литература в забросе у властей. Обратная сторона доноса — неимоверно усилившаяся именно сейчас взаимная неприязнь литераторов; по закону Дарвина межвидовой борьбы (главное, ведь не за что и бороться-то!): все против всех. От скуки жизни, надо полагать. Ведь известно, что похвалить собрата-писателя все одно, что улыбнуться, скушав лимон или ложку горчицы. А вот в наше время — выпив стакан уксуса... Так что все это неистребимо, а главное, есть та лакмусовая бумажка, что свидетельствует: жив курилка (Ромен Роллан)! Есть еще порох в пороховницах, то есть жива еще литература. Опять же — утверждение от обратного, как в математических доказательствах.

Вот мы и добрели-таки до вопроса вопросов: о чем же писать современному сочинителю при «нулевой» аудитории читателей? Вроде как жизнь (якобы) бурлит ... но скорее сродни мыльной пене в корыте, возмущенной кувшином влитого кипятка. Та же Европа полностью опидорасилась, говоря словами Никиты Сергеевича, и на Россию всем кагалом — пока словесно — прет. Вот бы о чем романы тискать! Но для кого? И стоит ли вообще про Европу-то? Опять же здесь все сказал Достоевский: *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «протить», — завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год).

Все сказал Федор Михайлович про наше нынешнее: и про «Кавказ (увы, далеко не весь) подо мною» — частная победа, и повсеместный снос (кроме Германии и Венгрии — главных наших противников в войне) в Европе памятников советским воинам — «невыгодно и опасно» нам побеждать в Европе.

* Алексей Яшин. Салонные рамки литературы // Дон.— 2019.— № 7—9 (строенный номер).— С. 216—222.

Так что тема Европы для русского писателя сейчас закрыта. Равно как и вся современная история. И зачем писать, душу рвать? Обывателю из трудовых офисных и иных масс выше горла информационного шума от СМИ. Потом — напишешь романище, облегченно вздохнешь, «...в конце письма поставив *vale*», включишь по рассеянности вместо утюга телевизор — а там в духе глобализма уже великое примирение! Живем-то все как на вулкане. Вокруг самое неприкрытое лицемерие, всякие толерантности и общечеловеческие ценности (то есть доллары и евро), а у нас еще щедро сдобренные суконно-цинковым административным восторгом.

Опять же писать, полагая запиариться, «по-европейски» (см. выше), мешая сказку-вымысел с действительностью, не всякому по нутру. Не получается по-европейски, все смахивает на рекламу презерватива, по нанотехнологиям китайцами сотворенным.

Вроде как чиновников-взяточников у нас поругивают, даже особо одаренных образцово-показательно в узилища препроваживают. Казалось — пиши не хочу! Ан нет, у нас опять же традиции на этот счет ограничительные. «*Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника*», — писал Достоевский, а Михаил Евграфович и вовсе понижал границу неприкасаемости до коллежского асессора, то есть майорского чина. В советские времена таковым рубежом являлся руководитель горкомхоза товарищ Саахов. Традиция!

Но ведь имеется еще история СССР, история древняя? Есть и фантазии, детективное чтиво? Старинный наш сочинитель последними брезгует, женским сочинительницам отдает... История СССР? — как-то неуютно сейчас «агитировать за советскую власть». Климат не тот, а остатки традиционного советизма (см. выше) прилагают к нынешним докукам властей.

...Словом, куда ни кинь — всюду клин. Современность — информационный шум не перекричишь; опять же тема здесь архисужена: ничего, дескать, личного, только бизнес. Но писателю-то более всего эта современность приемлема, свой личный опыт. Для «пограничных» сочинителей здесь есть творческая лазейка: как Лев Толстой, что создавал «Войну и мир» спустя полсотни лет после событий Наполеоновых войн — близкое видится на расстоянии — так и наш современный писатель, одной ногой еще уверенно стоя в советском прошлом, а другой брезгливо нащупывая опору в сонме кишашей частнособственнической мелкобуржуазной биомассы, способен на творческий подвиг: окинуть единым художественным взглядом советское прошлое, ведомое ему и переданное ближними пращурами, и современное — не все же гадливо и в нем! — Хотя бы свои дети и внуки. А о «партии и правительстве» пусть пишут Юрий Мухин и Владимир Бушин; Максим Калашников и Игорь Пыхалов тож. Им дозволено условно, через тираж в тысячу-полторы экземпляров, выпускать пары.

Своя жизнь с сопричастной ей «удельной» и более пространной историей, преломляющая окружающую действительность через себя, опять же в свете исторического опыта, — наиболее устойчивая платформа современного писателя, хотя бы по принципу страуса и закрывающегося от малопривлекательной реальности оцифрованного жития нашего (см. сноску выше). Любой творческий труд не должен пропасть! — Это как библейские семена добрые... Была бы земля для них еще.

Мой товарищ и литературный коллега Леонид Кириллович Иванов, окормляющий Тюменскую писательскую организацию СПР, как-то заметил в своем письме: «... Опять пишу о деревне. Наверное, никогда я не отойду от этой темы, как и ты, мой друг, никуда не денешься от своего Севера и Северного флота». Так тому и быть. «*Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; так же радуется и книжный писатель, дошед конца книгам. Тако же и аз, худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних...*» (Лаврентьевский летописный свод 1377 года).

